

ХРАМ В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОМ УЧЕНИИ Н.Ф. ФЕДОРОВА

Проценко В. В.

Н.Ф. Федоров вошел в историю отечественной философской мысли благодаря своей уникальной концепции "Общего дела", построенной на двух основных идеях. Во-первых, это требование *патрофикации*, воскрешения умерших предков. Во-вторых, впервые в истории христианства Федоровым была высказана мысль о прогностически-предупредительном характере предсказанного Апокалипсиса. Он считал, что ожидаемый конец света – не реально грядущее событие, а главным образом предупреждение человечеству, способствующее преодолению им "небратского" состояния.

Большое внимание в своей работе "Философия общего дела" Н.Ф. Федоров уделяет храму: термины "храм", "храм-музей", "школа-храм", "храм с вышкой", "коперниканский", "птолемеевский храм" встречаются очень часто. И это не случайно, ведь если философия "Общего Дела" (дела преодоления "небратского состояния" и воскрешения предков для последующего их объединения с потомками) является главным содержанием не только творчества, но и жизни Федорова, то храм в его понимании послужит основной, центральной формой для его великого "проекта". "Храм же есть место, где совершаются все таинства братотворения для исполнения долга к отцам... это основа всех литургий" [1, 435]. Именно в храме, в храмовой жизни имеются предпосылки для патрофикации, потому что даже в этой несовершенной действительности именно в храме народ... бывает лучше, чем в жизни; минутами в храме он может забывать житейские заботы", коренным образом пересматривает саму идею храма, его функции, так как считает их недостаточными для воплощения своих целей.

Корень нетрадиционного понимания Н.Ф. Федоровым феномена храма находится в русле всего его религиозного мировоззрения, центральным и всеобъясняющим пунктом которого является следующее высказывание: "Истинная религия одна, это культ предков и притом всемирный культ всех отцов как одного отца, неотделимых от Бога Троидного и несливаемых с ним, в коем обожествлена неотделимость сынов и дочерей от отцов и неслиянность их с ними". Все же другие религиозные направления Федоров определяет как "идололатрию" (искажение истинного культа) или "идеолатрию" (отрицание истинной религии) [1, 101].

Храм для Н.Ф. Федорова, во-первых, прежде всего форма, оформляющее начало для "отеческой" деятельности, патрофикации, а во-вторых, форма, в которой человечество принимает вид братства. То есть он тем самым видит в феномене храма возможность преодоления главных препятствий на пути к построению Царства Божия в реальной жизни: смерти и разобщенности человечества, его "небратского" состояния.

Несмотря на подчеркиваемую всемирность, космичность будущего культа предков, его основные позиции и символы берутся Федоровым исключительно из христианской традиции. Христианские образы, православные культовые основы являются оформляющим началом в деле реального перестроения "Града Земного" в "Град Небесный" посредством объединенного во всемирное братство человечества. При этом все культовые действия, происходящие в храме, являются лишь начальным этапом "внехрамового пресуществления", той внехрамовой литургии, какой

должно стать воскрешение отцов, достигаемое посредством регуляции человека, человеческого общества и природы [1, 375].

По мнению Н.Ф. Федорова, причина возникновения храма кроется в процессе антропогенеза. Идея и форма храма возникают тогда, когда человек начинает осознавать утрату "отцов", ощущать ужасную силу смерти: "Следя за последним вздохом отцов и матерей, сыны обратили взор к небу, а вместе со взорами и руки... поднялись вверх, к тому же небу... и чело этого существа поднялось и сделалось подобным небесному своду, и стало оно, это существо, *храмом*, руки его, стремящиеся вверх, сделались как бы башнями, а между ними глава" [1, 469]. А уже создав храм, подобие неба из самого себя, "сыны" создают его и вне себя.

К.Г. Исупов считает, что такая постановка вопроса, когда человек в своем историческом самовозрастании отождествляется с художественным произведением, с храмом, означает оценку человеческой жизни как акта эстетического творчества [2, 13]. Эта федоровская мысль об антропоморфизме храмов прочно вошла в арсенал современной гуманитарной науки и активно развивается ею (например, антропоморфность храма подчеркивают Д.С. Лихачев и О.Г. Мицов).

Храм для Федорова не только наивысшее достижение архитектуры, но он является всеобъемлющим образом- символом, в котором концентрируется все мировоззрение русского мыслителя. Федоровское понимание существующего храма лежит в основном русле современной философско-эстетической мысли. Новое в его концепции появляется тогда, когда он начинает обосновывать будущий храм в качестве одного из столпов своего "проекта", как дорогу, ведущую к воскрешению отцов и воцарению всеобщего братства.

Необходимо отметить важность для мировоззрения философа категории "литургия", которую он употребляет в совершенно ином, чем в православной догматике, смысле. В общепринятом понятии это слово обозначает "центральное богослужение православной церкви" [3, 719]. Но Федоров придает ему античный акцент: ведь в Древней Греции *leiturgia* означала некоторые виды государственных повинностей (например, содержание участников гимнастических состязаний, снаряжение боевых судов [3, 719], носивших ярко выраженный общественный характер. В переводе на русский звучит как "общее служение", "общее дело", то есть буквально совпадает с федоровскими идеями, поэтому он и отождествляет процесс литургии с "отеческим" делом.

"Литургия есть строительница храма", – отмечает мыслитель [1, 436]. При этом он отличает существующую литургию как богослужение и будущую "внехрамовую" литургию как "Общее Дело". Главная роль литургии как богослужения и храма, в котором она происходит, по его мнению, состоит в том, что они объединяют всю общину, приход "...в единой мысли, в общем чувстве и совокупной деятельности" [1, 374]. Это синтез религии, науки и искусства в едином богочеловеческом деле. Центральным моментом храмовой литургии Федоров считал причащение верующих к плоти и крови Христовой, тем самым соприкосновение с его бессмертной природой. Воскресение Христа он считал первым удачным опытом в деле преодоления смерти.

Но храмовая литургия – только приготовление к истинному богочеловеческому делу, она недостаточна, ограничена пространственными (ограда) и временными

рамками. В русле концепции "Общего Дела" необходимо преодолеть эти границы, раздвинуть ее до внехрамовой литургии и внехрамовой пасхи (пасха как символ воскрешения и победы над смертью). Эта внехрамовая литургия и внехрамовая пасха охватывают уже всю Землю и Вселенную, реально преобразуя останки, прах умерших при помощи небесных сил, энергии природы и космоса в "тело и кровь умерших" [4, 130]. Таким образом, если храмовая литургия у Федорова остается только таинством, символом, то внехрамовая – это и есть "Общее Дело".

Федоровский "проект" немислим без взаимопереплетающихся и даже сливающихся с понятием "храм" терминов "музей" (для воспоминания "отцов умерших"), "собор" (как соборность, "соединение сынов этих умерших, а также и отцов еще живущих"), "школа" (неотделимая от храмовой жизни, необходимая "для воспитания своих сынов") [1, 67]. Собственно говоря, эти термины в творчестве Н.Ф. Федорова обозначают различные аспекты (мемориальный, коммуникационный и педагогический) одного и того же понятия – **храма-музея-школы**.

Одной из самых важных функций храма Федоров считал мемориальную. Музей, или "храм-музей", становится воплощением тотальной памяти человечества. Ведь прежде чем воскрешать "отцов" или хотя бы осознать необходимость такого шага, нужно будет знать всю информацию о воскрешаемых. Существующие и должны быть построенными музеи (он упоминает исторический, этнографический, антропологический, земледельческий) неразрывны у философа с храмом, они должны быть соединены и обращены в "храм Премудрости, в чем и будет выражаться объединение светского и духовного, научного и религиозного, классического и реального в христианском... Создание музея, коего центром, основанием и венцом будет храм Премудрости Божией, и укажет человеку дальнейшую его цель и долг" [1, 326].

Развивая мысль о мемориальном назначении храма-музея, Федоров также пишет и о "всеобщем и всехудожественном музее", как об органе синтеза "всех наук и искусств" в "общем отеческом деле" и соединения ученых в "один собор". Исходя из деятельностной сущности "Общего Дела", он предъявляет к музею требования, характерные скорее для художественного произведения, эстетической деятельности, чем для пассивного хранилища (пусть даже и тотального), ибо в его понимании "...музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается ... в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями" [1, 587]. В этом музее воплотится, по мнению философа, классическое триединство: действия (объединение научных направлений), места (этот музей будет единым и единственным высшим центром наук и искусств) и времени (работа в нем будет организована таким образом, что младшие поколения будут действовать под руководством старших) [1, 459].

Другая особенность федоровского храма-музея – его коммуникационное назначение. Музей Федорова – не музей-коллекция, а музей – "собор всех", музей – "собрание всех", объединение живущего и жившего в единое всечеловеческое братство. "...Назначение музея быть "ловцом человеков", – таково, по мнению Н.Ф. Федорова, назначение музейного аспекта храма-музея [1, 588]. Храм-музей должен стать апостолом нового, "всемирного" христианства, отсюда и вытекает логический ряд "храм – собор – соборность".

Федоров решает извечную русскую тему соборности, исходя все из той же возможности и необходимости патрофикации, поэтому в соборе должны объединиться не "многие", но "все", причем не только живые, но и мертвые. Сама же идея соборности должна быть воплощена не в особенностях архитектуры и музыки, а исключительно в храмовой живописи. Стены храма должны содержать изображения всех отцов, и до тех пор, пока научно-технически невозможно их воскрешение, оживление, они должны именно таким образом напоминать о себе и о необходимости объединения людей в "братском", "отеческом" "Общем Деле". Таким образом, Н.Ф. Федоров ставил перед будущими архитекторами задачу довести до абсолюта соборный (по числу персонажей, различию этносов) характер храмовой живописи. Иконопись он воспринимает как лозунг, призыв к действию, как лучшую агитацию "Общего Дела", по его мнению, она "стремится посредством символа дать только понятие, только напомнить ... и вести ко спасению" [1, 243].

В.В. Зеньковский отмечает в федоровском понимании соборности идею "признания неправды замыкания каждого в самом себе, в отдалении себя от живых и от умерших" [5, 141]. Понятие "собор", разработанное философом, является большим вкладом в отечественную гуманитарную мысль, так как в нем чрезвычайное место уделяется тотализации памяти человечества, актуализируются духовный и материальный потенциал предков, внешний облик, дела и мысли наших "отцов".

Особо в храмовой концепции Н.Ф. Федорова подчеркнут образовательный аспект. Им развернута целая система образования и воспитания, преимущественно религиозного. Федоров считал, что процесс антропогенеза еще не закончен, человек как биологическое и духовное существо продолжает развиваться. Для того чтобы он мог достичь вершин своей эволюции, необходимы специальные центры подготовки его к "Общему Делу". Исходя из признания тезиса о том, что "православие... религия народообразовательная" [1, 253], он считает, что храмы-школы должны стать центрами образования и воспитания в каждой местности. Каждый приход должен иметь "иконописную" и "хоровую (то есть общинную, соборную) земледельческую школу". Методическим основанием храма-школы должен стать процесс богослужения, взятый из православной христианской традиции, но видоизмененный в соответствии с требованиями "Общего Дела". Процесс образования состоял в изучении стен самого храма как наглядной картины: "Обыкновенное изображение в выси храма, на внутренней стороне свода Отца – благословляющего, Духа – исходящего, в соприсутствии изображенных на стенах отцов – отшедших, получает значение действия, и действия образовательного" [1, 435].

Что касается самого учебного материала, то храм должен, в первую очередь, служить изучению истории (края, данной местности, всеобщей истории, религиозной истории) как необходимому этапу в эволюционном переходе к новому социальному устройству. По мнению ученого, самые широкие массы населения, основной материал для воплощения "отеческого дела", "неученые", способны понимать и выражать историю "только во внешнем обряде, в службе, в картинной грамоте, то есть в грамоте иероглифической, или иконописи..." [1, 202]. В концепции Федорова четко просматривается ориентация на устную народную культуру. Сознание рядового верующего не отягощено богословскими знаниями, научными абстракциями, поэтому храм

был единственной "книгой", которую он мог бы "прочитать". А.Я. Гуревич, много занимавшийся проблемой средневековой народной культуры, пишет, что, воспринимая эту "Библию в камне", "неученый" человек руководствуется "кругозором и критериями, заданными именно устной культурной традицией с присущими ей особенностями мировосприятия, запоминания и трансляции знаний" [6, 43].

Центральную роль в выполнении храмом образовательной функции Н.Ф. Федоров отводит иконописи. Иконы, во-первых, напоминают о необходимости спасения всех и каждого, во-вторых, должны вмещать изображения всех умерших, актуализируя тем самым память о них.

В этой своеобразной религиозной системе народного образования у Федорова, кроме ее начальной и средней ступеней (приходские храмы-школы), описан и ее венец – "музей и храм Премудрости" (он также именует его "храмом Софии с храмом Афины или муз", "всенародным храмом всех музеев третьего Рима, Кремля") в Москве. Такой храм воплотит идею всеобщего воскрешения и потому, как пишет Федоров, "сделается всенародным иконописным университетом" [1, 327]. В этом храме будут соединены все типы музеев: исторический (в большей степени историко-религиозный), этнографический, антропологический, земледельческий (народно-хозяйственный). В этой зарисовке конкретного здания становится все более отчетливо заметной связь философских построений Н.Ф. Федорова с русской софиологической традицией, с творчеством В.С. Соловьева и его последователей.

Уникальность идеи этого храма, задуманного Федоровым как начало "Общего Дела" в России, заключается уже в том, что участие в его строительстве должно стать обязательным делом всех людей, всех сословий, и "ученых" (интеллигенции), и "неученых", горожан и "сельского люда". Цель этого соучастия в строительстве – преодоление "небратства": "Создавая храм Премудрости, мы сами умудряемся, потому что вступаем в согласие друг с другом... Соединение всех в одном деле и одной задаче и есть отправление этого храма, или литургия, то есть всеобщее действие. Интеллигенция всех муз, воссоединяясь с сельским людом, имеющим дело с прахом предков, будет обращать этот прах уже не в пищу только потомкам" [1, 329].

В этом храме должна быть собрана вся информация и все остатки деятельности умерших "отцов". Обязательное посещение каждым этого святого места, по мнению философа, будет иметь смысл завершения образования: "...Побывать там – значит побывать везде... Такое посещение будет расширением мысли на целый мир, мысли, обнимающей прошедшее и отдаленное и видящей во всем этом многообразное единство, руководящее в общем, совместном труде" [1, 327]. Завершив таким образом свое образование (в первую очередь религиозное), каждый человек уже мог бы и должен обращать все свои силы на "Общее Дело". Квинтэссенцию этого образования Федоров обозначил емкой формулой: "Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех" [1, 166].

Главным звеном нового социального уклада должен стать приход, центром которого является приходской храм. Положение храмового комплекса, включающего в себя как само сооружение, так и музей, школу, кладбище, во многом напоминает агоры в Древней Греции или форум в Древнем Риме по степени концентрации культурной жизни общества. Все вопросы в приходе решаются общинно. Так вся жизнь

человека от рождения и до смерти (а у Федорова и после смерти) проходит на глазах и под руководством именно общины: она является восприемником при крещении, она должна давать всем воспитание, завершением которого будет публичное испытание, непосредственно связанное и вытекающее из храмовости жизни: "Учащийся должен дать объяснение храма и всей иконописи, то есть сдать экзамен из всеобщей и местной священной-всемирной истории". При браке община-приход занимает место посаженного отца, при погребении делается душеприказчиком, "строителем души и тела" [1, 334]. Таким образом, жизненный круг замкнулся (ведь еще не осуществлено "Общее Дело"). До тех пор, пока проблема патрофикации не будет решена, храм будет средоточием человеческой жизни, центром духовного и телесного притяжения на протяжении всего жизненного цикла каждого человека.

Но и после смерти человек продолжает оставаться в храме, так как Федоров считал, что храм и кладбище не должны разделяться пространством. По его мнению, кладбищенские храмы в наибольшей степени отвечают идеалам "Общего Дела", так как уже расположение способствует близости ушедших "отцов" со здравствующими "сынами", побуждает последних к мобилизации всех сил для победы над смертью, для возвращения первых к жизни.

Н.Ф. Федоров оставил достаточно подробное описание будущего "коперниканского" храма (к старому искусству он применял термин "птолемеевское", к новому – "коперниканское"). Подобно тому, как в истории культуры и науки на смену геоцентризму Птолемея пришла гелиоцентрическая система Николая Коперника, так и на смену традиционной православной церкви должно прийти храмовое сооружение нового типа. С одной стороны, оно должно быть тесно связано с землей, которая пока еще хранит в себе прах предков, а с другой, должно быть устремлено к небу, к выси, таящей в себе возможность божественного воспомоществования для воскрешения этих предков.

Отсюда и специфическая архитектурная форма осуществления этого великого замысла. Переходной формой от старого, "птолемеевского" храма, к новому, "коперниканскому", в федоровской концепции культового зодчества стал "храм-музей с вышкой" или "храм с вышкой". Вышка должна была служить для наблюдения и изучения небесных явлений, открыть в куполе храма, как подобии кажущегося неба, "выход к небу действительному, к небесным лицам или землям,... чтобы изображенным на куполе (на этом подобии неба) умершим дать действительную жизнь на действительном небе" [1, 469]. Она необходима также для возвращения заблудших в грехе и небратстве к первобытному состоянию, к началу антропогенеза, а конкретно к тому моменту, когда человек принял вертикальное положение и обратил свой взор-молитву к небу. Вышка как бы помогает наладить коммуникации между трансцендентным и посюсторонним мирами.

В своем стремлении объединить людей в общинном, соборном стремлении к "отеческому" делу и как можно более приблизить их к предкам (сначала хотя бы к их праху, кладбищу) Н.Ф. Федоров отходит даже от внешних форм культового здания, предлагая нечто совершенно нетрадиционное для христианства. "Самые избы своими фасадами составили бы стену храма, которая могла бы быть украшена священными изображениями... Тогда самый храм обратился бы в святилище прихода, в общий ки-

от с образами, в общий передний угол всех прихожан; на кровле же этого невысокого храма мог бы быть воздвигнут престол для совершения службы летом; и тогда вся площадь, окруженная домами прихожан, обратилась бы в храм",- проектирует философ [1, 414]. Внутри этого "летнего" храма, на площади – в сердце общины должно находиться кладбище, ведь прихожане должны жить "со всеми" и "для всех".

Никаких судебных, административных учреждений не предусмотрено. Зато здесь же, возле входа на площадь-кладбищенский храм должна располагаться школа, ибо храм и школа неразрывно связаны. Площадь с кладбищем будет окружена рядом "своеобразных клетей, соединенных сенями" – внешней оболочкой храма, со стороны неба он будет открыт, и куполом станет сам небесный свод. Здесь налицо проявление федоровского космизма. Каждая изба-клеть будет индивидуальна, неповторима, "сени" же между ними наконец-то замкнут узы человеческого братства.

Алтарем такого храма, его самым священным местом будет сама земля, так как она является местом рождения и будущего воскрешения человека, его могилой и колыбелью: "Земля – жертвенник коперниканского храма, исходный пункт знания и дела воскрешения",- пишет Н.Ф. Федоров. Иконы должны быть заменены "лучевыми образами отцов", изображением наружного и внутреннего строения их тел [1, 527-528].

Таким образом, Н.Ф. Федоров предлагает объединить в храме мемориальный (храм-музей), педагогический (храм-школа) и коммуникационный (храм как собор) аспекты в своем "общем деле", направленном на воскрешение всех предыдущих поколений людей, живших когда-либо на Земле, – это и есть его оригинальное решение проблемы "соборности", неоднократно поднимавшейся русской философией. Храм настоящего и храм будущего станет идейным, духовным, культурным, религиозным, трудовым центром нового строя ("психократии") и для верующих, и для неверующих. Этот аспект его философии особенно актуален в современную эпоху, когда многие традиции разрушены за годы тоталитарного строя, а их возобновление носит преимущественно внешний, формальный характер.

Литература

1. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982.
2. Исупов К.Г. Русская эстетика истории. – СПб.: Изд-во высших Гуманитарных Курсов, 1992.
3. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
4. Семенова С.Г. Паладин вечности // Вопросы философии. – 1993. – №1.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х т. Т. 2. Ч. 1. – СПб.: Эго, 1991.
6. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990.